

ЭКСТРЕМИЗМ КАК ДЕФОРМИРОВАННАЯ ФОРМА РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ

Петев Николай Иванович,

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
(г. Владимир, Россия)

В наше время вопрос экстремизма является актуальным, так как формы носят не только социально-политический характер, но и религиозный. Деформированное сознание индивидуума воспринимает агрессивные акты как легитимные с точки зрения вероучения той или иной религии. Однако, несомненно, что это заблуждение скрывает в себе не только нарушение логической связи, принципов морали, самого вероучения, а также несёт негативные и деструктивные экзистенциальные последствия.

В истории известны случаи ведения войны на основе религиозных убеждений одних и на несоответствие его у других.¹ Однако необходимо разделять войну как таковую и экстремизм, в том числе основанный на религиозных принципах.

Во-первых, война в отличие от экстремизма имеет определённые правила, порядок и ограничения (например, по средствам достижения цели), если конечно это не экспансия с массовым геноцидом и элементами национализма или колонизация, целью которой являются лишь ресурсы, а население территории не имеет ценности и уничтожается, ибо эти формы крайние и скорее рассматриваются как аномалии, как рудимент, чем, как правило. Хотя несомненно, что это есть истинное качество войны как чистого феномена. Согласно, Карлу Филиппу Готтлибу фон Клаузевицу главная цель войны – это навязывание нашей воли противнику [7, с. 35]. Хотя применения насилия и не имеет предела на войне [7, с. 37], тем не менее, в виду психологических, ментальных и физических особенностей индивидуума, а также вследствие рациональности, на войне нет места абсолютному применению всех сил и возможностей, то есть возникают ограничения разного рода для достижения цели (социальной, политической и экономической) [7, с. 41–44].² Цель же экстремизма – полное уничтожение «раздражителя» любыми доступными способами и формами, причём это касается как физической, психологической, так и духовной и ментальной сферы. Действительно, является ли рациональным использование методов, которые уничтожат того, кому необходимо навязать свою волю.

¹ Стоит отметить, что их дефиниция как религиозных войн относительна, так как они имели не только мотивы религиозные, но и политические, социальные, экономические. В «чистой» своей форме ей не присущи какие-либо иные мотивы, в том числе религиозные, кроме тех, что продиктованы её внутренним содержанием.

² С другой стороны, Никколо Макиавелли отмечает, что нет эффективнее способа захватить и владеть городом, чем его полное уничтожение, так как только этот способ наиболее способствует для предотвращения будущих мятежей и восстаний, хотя и не единственный [9, с. 49].

Во-вторых, несмотря на то, что войну не стоит идеализировать, ей всё же присуща определенная нравственность (например, кодекс чести или кодекс воина¹), тогда как экстремизму нет.

В-третьих, войне крайне редко присущ религиозный примат, особенно если рассматривать войну, как чистый феномен (саму по себе), в отличие от экстремизма, где через религиозность старается реализоваться легитимность. Экстремизм может провозгласить себя формой религиозной войны, однако это будет лишь пропаганда и спекуляция.

Религиозный экстремизм не приемлет нравственных норм, правил и требований, особенно это касается абсолютных ценностей. Как правило, легитимность этого он видит в «святости» или «сакральности» своей цели. Р. Отто отмечает, что моральный компонент, конечно, присутствует в понятии священное, но полностью им не определяется [11, с. 11–12]. Однако религия не может идти против абсолютных ценностей и моральных принципов, ибо принципы и абсолютная аксиология дублированы в религии в той, или иной форме. Если же религия допускает, оправдывает и одобряет акты антагонистичные абсолютной морали, то встаёт вопрос о внутреннем содержании и характере этой религии, особенно если она претендует на роль религии спасения или мировой религии.

Религиозный экстремизм не соответствует в аспекте реализации своих идеалов первоочередным задачам религии, то есть жизнеутверждающим², конструктивным и сотериологическим, а также её форме, в частности изначальной, т.е. быть чем-то сакральным³ и максимально отрешиться от профанного.⁴

Особое место в данном рассуждении занимает взаимоотношение религии и насилия. А.А. Гусейнов отмечает, что убийцы и насильники часто обращаются к морали, дабы оправдать жестокость и уничтожение [6, с. 693]. Насилие и религия, особенно если она претендует на статус религии спасения или мировой, несовместимы. Как можно ратовать за религиозные и этические ценности, в том числе автономности воли и свободы выбора, и насильно заставлять принять свои принципы. Единственно относительное оправдание насилия возможно только в качестве защиты как единственной необходимости.⁵ Человечество никогда не примет единолично этику ненасилия, так как всегда будет тот, кто применит этот метод воздействия на других в своих целях. Религиозные принципы, как и моральные, не могут стать поводом для насилия над другими, ибо это не есть их сущность и цель.

Экстремизм – это рычаг управления другими для получения выгоды или достижения цели кого-либо, так как такие действия всегда инициированы кем-то и ему же выгодны и необходимы. Идеи религиозного экстремизма направлены на манипули-

¹ Ярким примером является кодекс чести самурая (Бусидо), ведь самурай должен обладать многими качествами, в том числе, такими как сострадание [8, с. 142], человечность [8, с. 98], честь (нет чести в смерти слабого) [8, с. 254], долг [8, с. 21–22] и т.д. Подобная героическая этика присуща и другим народам, например германским племенам, которые видели достойной смерть в бою против сильного противника, дабы увенчать себя славой [5, с. 67; 4, с. 97]. Убийство слабого не принесёт много славы, поэтому и считалось не достойным.

² Особенно если форма экстремизма настолько радикальна, что требует жертвования как собственной жизни, так и принесения в жертву других людей.

³ Например, Бирлайн Дж. Ф. отмечает, что одна из целей культовых действий, это погружение в сакральное время, его восстановление [2, с. 25; 28–29]. Поэтому, вся атмосфера, форма действий, а также язык, на котором проводится священнодействие, отличны от всего обыденного.

⁴ М. Вебер отмечает, что чем больше и дольше религии находились в конфликтном отношении к миру, тем в большей степени они были подлинными религиями спасения [3, с. 11].

⁵ Аристотель отмечает, что необходимым является то, без содействия чего невозможно жить; то, без чего благо не может ни быть, ни возникнуть, а зло нельзя устранить или от него освободиться [1, с. 131–132]. Однако в случае с насильем, даже ради свободы, существует опасность как прибавления зла, так и создание ещё большего.

рование¹ и подавление воли индивидуума, что в ряде религиозных традиций, признающих автономность свободы выбора человека, считается грехом (например, в христианстве, исламе, буддизме, сикхизме и т.д.).

Поэтому, можно сделать вывод, что экстремизм не имеет ничего общего с религией. Он лишь драпируется в неё, дабы оправдать свои акты и действия эфемерной «святостью». Более того, те методы², которые должны оправдаться целью, далеки от религиозных принципов многих религий.

Литература

1. Аристотель. Метафизика. – М.: Э, 2016. – 448 с.
2. Бирлайн, Дж. Ф. Параллельная мифология. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 336 с.
3. Вебер, М. Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
4. Гуревич, А.Я. Избранные труды. Норвежское общество. – М.: Традиция, 2009. – 470 с.
5. Гуревич, А.Я. История и сага. – М.: Наука, 1972. – 199 с.
6. Гусейнов, А.А. Философия — мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. – СПб.: СПбГУП, 2012. – 840 с.
7. Клаузевиц, К. О войне. – М.: Наука, 1998. – 448 с.
8. Кодекс Бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листе / А. Боченкова, В. Горбатько. – М.: Эксмо, 2004. – 432 с.
9. Макиавелли, Н. Государь; Рассуждение о первой декаде Тита Ливия. – СПб.: Азбука, 2013. – 273 с.
10. Ницше, Ф. Падение кумиров: Избранное. – СПб.: Лениздат, 2014. – 224 с.
11. Отто, Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. – СПб.: АНО «Изд-во С.-Петерб. ун-та», 2008. – 272 с.
12. Ролз, Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд. Новосибирского ун-та, 1995. – 512 с.